

Доктор Роджер Грин, Американское христианство, Сессия 2 1, Неоортодоксальность и социальный кризис

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем учении об американском христианстве. Это сессия 21 по теме «Неоортодоксия и социальный кризис».

Мы на лекции номер 16, «Неоортодоксия и социальный кризис».

Первое, что мы делаем, это предоставляем фон неоортодоксии. И просто напомнить вам, просто напомнить вам о том, что мы сказали в фоновом режиме, что христиане появились в 30-х, 40-х, 50-х, 60-х годах. Они обнаружили, что Америка очень разделена между фундаментализмом справа и либерализмом слева, который в некотором роде обанкротился.

И поэтому они почувствовали, что американцам нужен очень здоровый протестантизм. И так возникло движение под названием Нео-ортодоксия. Помните, мы сказали Нео-ортодоксия. Причина, по которой оно называется Нео-ортодоксия, в том, что это была ортодоксия, сосредоточенная на Писании и интерпретируемая в основном через реформаторов и особенно через Кальвина, не исключительно, но особенно через Кальвина.

Итак, это новая ортодоксия. Это своего рода реформация библейской ортодоксии, которая появилась в 20 веке. Но эти люди и это было очень, очень сильное интеллектуальное движение, которое мы также подчеркнем.

Но эти люди интеллектуально могли позволить научному миру делать свое дело. Не было битвы между наукой и религией. Они могли допускать библейскую критику до определенной степени.

Они знали, что у библейской критики есть пределы, но библейская критика не обязательно означает упадок Библии. Поэтому они могли это допустить. Они могли допустить городскую жизнь и рост и развитие городской жизни.

Они не считали городскую жизнь врагом церкви или чем-то подобным. Так что они могли это допустить. Они также могли допустить критику экономических и социальных структур в Америке.

То, что вы критикуете экономические или социальные структуры, не означает, что вы не библейский христианин. Так что они могли позволить это и позволили. Так что, я думаю, это то, к чему мы пришли на данный момент, если я не ошибаюсь.

Итак, мы все еще на фоне неоортодоксальности. Вот где мы находимся. Многие неоортодоксы были вовлечены в политические реалии.

Они были очень пронизательны в понимании библейского богословия и взаимосвязи библейского богословия с политическими реалиями мира, в котором они оказались. Таким образом, они позволили библейскому пониманию помочь с пониманием политического мира, в котором мы живем. Итак, вот некоторые из политических реалий, с которыми они столкнулись.

Может быть, другие люди не хотели сталкиваться с этими политическими реалиями. Вот некоторые из них, с которыми они столкнулись, неоортодоксы столкнулись. Во-первых, неоортодоксы были очень большими на греховности этого мира.

Если мы думаем, что 20-й век был христианским веком, то мы не воспринимаем грех очень серьезно. Потому что Первая мировая война, Холокост, Вторая мировая война и так далее. Так что реальность греховности, зла мира, в котором мы живем, и греховности людей слишком очевидна.

Один из людей, о которых мы поговорим, — Рейнхольд Нибур. Вам пока не нужно беспокоиться об имени. Он здесь, на средней картинке.

Рейнхольд Нибур сказал следующее: Первородный грех — самая эмпирическая из всех доктрин. Первородный грех — самая эмпирическая из всех доктрин. Теперь, если мы говорим, что что-то эмпирическое, что мы имеем в виду? Что мы имеем в виду, если что-то эмпирическое? Самая эмпирическая из всех доктрин? Что это значит? Это значит, что что-то эмпирическое, если вы можете увидеть это своими глазами, если вы можете это почувствовать.

Итак, первородный грех — самая эмпирическая из всех доктрин. Вам не нужно спорить, есть ли в мире грех или нет. Все, что вам нужно сделать, это посмотреть на Первую мировую войну или Вторую мировую войну. Посмотрите на Холокост.

Вам не нужно доказывать грех, как будто он не существует. Итак, будучи наиболее эмпирической из всех доктрин, наиболее видимой и осязаемой из всех доктрин является первородный грех. Итак, это первое, чувство греховности.

Давайте поговорим о грехе, сказали новые православные. Либералы не хотели говорить о грехе. Либералы просто видели только христианский век, и все будет хорошо, и мы возьмемся за руки и будем петь Кумбайю все время или что-то в этом роде.

Это все, о чем они хотели поговорить. Нет, приходит Новое Православие и говорит о грехе. Номер два — это ограниченность всех наций.

У всех наций есть ограничения, и, конечно, у всех наций есть ограничения в их добродетели. Иногда нации действуют способами, которые противоречат их собственному физическому существованию, не говоря уже о физическом существовании их соседей. Итак, все нации действуют способами, которые противоречат им самим и их соседям, и давайте признаем это.

Теперь, по этому второму пункту, который здесь стал немного рискованным, Новые православные теологи сказали, что все нации имеют ограниченную добродетель. Все нации иногда хотят господствовать над другими нациями, включая Америку. Так что Новые православные теологи, которые были здесь, в Америке, пошли за Америкой и имели ограничения.

Теперь, по этому второму пункту, насколько они были обеспокоены, вы можете не соглашаться с этим; вы можете видеть это иначе, но я просто пытаюсь понять новых православных теологов. Насколько они были обеспокоены, единственный раз, когда Бог имел дело именно с нацией, это был Израиль. Так что, насколько они были обеспокоены, это был единственный раз, когда он имел дело с нацией людей.

Теперь мы не живем в мире Израиля. Мы живем в мире церкви, тела Христа, и церковь является вселенской. Церковь не связана ни с одной нацией. Церковь не контролируется ни одной нацией, и церковь не контролирует ни одну нацию.

Итак, церковь — это тело Христа по всему миру. Так что будьте осторожны, говорили новые православные теологи, будьте осторожны, ассоциируя Бога с какой-либо отдельной нацией. Это произошло с Израилем, но с тех пор этого не случалось.

Теперь вы ассоциируете Бога с его телом, с телом Христа здесь, на земле, с большой буквы С, церковью, и это универсально. Это во всех странах. Это транснационально.

Так что они были очень хороши в этом. Номер три, факты политической власти. Когда вы видите политическую власть, вы не делаете никакой пользы, игнорируя эту политическую власть.

Вам нужно столкнуться с этой политической властью и посмотреть, куда она идет, и посмотреть, выполняет ли она свои обещания. Идеальным примером этого является то, что некоторые из нас находятся на семинаре Бонхёффера, поэтому идеальным примером этого, конечно, является Дитрих Бонхёффер. Дитрих Бонхёффер столкнулся с политической властью, которая, как он был убежден, больше не контролировалась провидением Божиим.

Эта политическая сила, нацизм, перешла свои границы. Она больше не была легитимной политической силой. Теперь она была нелегитимной политической силой.

Он перешел границы, которые устанавливает Бог, когда он создает нации и когда он устанавливает власть. Итак, поскольку он перешел границы, мы говорили об этом на семинаре Бонхёффера, но поскольку он это сделал, Дитрих Бонхёффер оказался вовлечён в заговор с целью убийства Гитлера. Это был трудный путь для Бонхёффера, потому что Бонхёффер был пастором.

Он был своего рода пацифистом. Он был христианским теологом. Поэтому, чтобы такой человек ввязался в заговор с целью убийства Гитлера, он должен был почувствовать, что эта политическая власть вышла за рамки своих полномочий и должна быть свергнута ради спасения Германии, ради спасения западной цивилизации.

Итак, неоортодоксальные теологи на самом деле, должны были разобраться с реалиями политической власти. С проблемами политической власти нужно было разобраться. Поэтому они были против любых христианских групп, церквей или конфессий, которые надевали шоры, которые не хотели видеть, что происходило в 20 веке, или которые не хотели видеть, что происходило с нацизмом.

Неоортодоксы были против этого. Это не выход. И потом, четвертая вещь, и мы уже как-то упоминали об этом с этими людьми, но четвертая вещь заключается в том, что эта неоортодоксальность стала великой интеллектуальной традицией в американском протестантизме.

Итак, неоортодоксальные теологи говорили, вы поклоняетесь Богу, когда поклоняетесь ему своим умом. Вы чтите Бога, когда используете свой ум, чтобы понимать мир вокруг вас и служить миру вокруг вас. Это стало очень мощной интеллектуальной традицией и интеллектуальным движением в Америке и Европе.

Итак, поклонение Богу нашим разумом и использование нашего разума для того, чтобы угодить Богу, были очень важны для этих неоортодоксальных теологов. Теперь, в некотором роде они выступают против американского

фундаментализма, потому что был некоторый американский фундаментализм, не весь, но был некоторый американский фундаментализм, который был довольно антиинтеллектуальным, и неоортодоксы чувствовали, что это не библейский путь, это не христианский путь. Итак, вот некоторые из вещей, которые характеризуют неоортодоксальность, и то, к чему она приведет.

Итак, вот предыстория неоправославия. Итак, есть ли что-нибудь о предыстории, прежде всего? Что-нибудь о том, откуда пришли эти люди, почему они делают то, что делают, и каковы результаты того, что они делают? Мы увидим это позже. Что-нибудь вообще о неоправославии, неоправославии как движении? Итак, мы видели много движений в курсе, и теперь мы видим, как еще одно выходит на сцену здесь.

Хорошо, вы не можете говорить о неоортодоксальности, не говоря о важности Карла Барта. Итак, это В в вашем плане на странице 16, важность Карла Барта. Если мы не поймем Барта, мы не поймем, что здесь выдвигают неоортодоксальные теологи.

Ладно, важность Карла Барта, кстати, это Барт, а не Барт. Ладно, благослови ваши сердца. Большое спасибо. Так что, если у вас есть что-то, что вы хотите спросить меня о Карле Барте, скажите, я хотел бы задать вам вопрос о Карле Барте, но не Барте, как я часто слышу.

Итак, это Барт, это ясно. И, кстати, это не имеет никакого отношения ни к чему, так что не пытайтесь установить какую-либо связь. У нас был профессор здесь, в колледже Гордона, доктор Уильям Билер, и он был последним американским студентом, получившим докторскую степень под руководством Карла Барта в Базеле, Швейцария.

И вот он сначала преподавал в Баррингтоне, он пришел до слияния, пришел сюда в 1981 году. Но у него была эта претензия на славу в его жизни, последний американец; он был не последним студентом, получившим докторскую степень у Барта, но он был последним американским студентом, получившим докторскую степень у Карла Барта. Так что это было действительно примечательное достижение с его стороны, в этом нет сомнений.

Итак, ладно, Карл Барт. Мы собираемся немного рассмотреть его жизнь, не так много, просто некоторые моменты его жизни, а затем, что более важно, мы рассмотрим его теологию. И его теология будет иметь значение здесь, в американской неоортодоксальности.

Итак, хорошо, вот несколько фактов о его жизни. Первое, что мы хотим отметить, это то, что он родился в Швейцарии, поэтому он гражданин

Швейцарии. Это очень важный факт, потому что он спасет ему жизнь позже по причинам, которые мы увидим через пару минут.

Но он родился в Швейцарии. Так что Карл Барт был воспитан в либеральной протестантской традиции. Он пошел в университет, а в университете протестантский либерализм как бы захватил немецкие университеты.

Так вот, он был воспитан в этой традиции. Он верил в это. Шлейермахер был очень важен для него с точки зрения его собственного обучения и так далее.

Вот в какой традиции он был воспитан. Теперь он стал пастором после окончания университета. Он стал пастором в Швейцарии и был пастором во время Первой мировой войны. Так что он наблюдал Первую мировую войну и видел Первую мировую войну. Как пастор, он не мог сопоставить протестантский либерализм, в котором он был воспитан, с реалиями Первой мировой войны.

Он не мог сопоставить эти две вещи в своей жизни. То, что он открыл, было тем, что мы называем классическим протестантским либерализмом, и он обнаружил, что это было несостоятельно. Это было не по-библейски.

Это не выдержало бы критики в 20 веке. Так куда же он пойдет, когда сделает это великое открытие, будучи пастором во время Первой мировой войны? Куда он пойдет? К чему он собирается обратиться, в каком-то смысле, чтобы попытаться противостоять либеральной теологии, на которой он вырос? Это своего рода следующий шаг в его жизни. Он обращается к Библии.

Он обращается к Библии и находит в Библии то, что он называет странным новым миром. Это был мир, с которым он не был знаком, с его классическим либеральным протестантским типом обучения и с акцентом на библейской критике, которая в значительной степени отодвинула Библию в сторону. Карл Барт обращается к Библии и видит этот странный новый мир. Он видит, что Библия говорит о инаковости Бога и греховности человечества.

И эти две доктрины становятся, мы увидим это, когда дойдем до его теологии, но инаковостью, трансцендентностью Бога, греховностью человечества. Библия не говорит, не намекает на своего рода единство Бога с человечеством, которое было одной из доктрин классического протестантского либерализма. Бог един с человечеством.

Иисус становится хорошим примером этого единства с Богом и т. д. Нет, это не то, что говорит Библия. Это то, что люди получили из Библии, может быть, но это не то, что говорит Библия.

Библия говорит о Боге как о святом другом, и она говорит о нас как о грешниках, нуждающихся в искуплении. Так что теперь он находит этот странный новый мир Библии. Теперь вопрос в том, как он собирается толковать Библию? Он собирается толковать Библию, конечно, через своих людей, о которых он слышал в протестантском либерализме, но, возможно, он слышал о них, но, возможно, они были вынесены на обочину, но он собирается толковать Библию через таких людей, как Лютер и Кальвин.

Итак, это будет Лютер, особенно Кальвин, к которому он пойдет, чтобы помочь ему понять это великое библейское послание, этот странный новый мир Библии. Он пойдет к реформаторам. Теперь он также пошел к Кьеркегору.

Итак, это датский Кьеркегор 19-го века, христианский экзистенциализм. Он также нашел большую помощь, читая и изучая Кьеркегора. Итак, он обнаруживает, что на него в первую очередь повлияли источники Реформации.

Хорошо, вот еще пара вещей о Карле Барте. В 1918 году он написал комментарий. Когда он открыл для себя этот странный новый мир Библии, одна из книг, которая действительно захватила его, захватила его дух, — это Послание к Римлянам.

И в 1918 году он решил, что напишет комментарий к книге Послание к Римлянам. Впервые она была опубликована в 18 году, а затем переиздана в 1921 году. Но он написал комментарий к книге Послание к Римлянам.

Позвольте мне сказать кое-что об этом комментарии. Причиной этого комментария было желание поделиться с другими немецкими пасторами тем, что он знал о Послании к Римлянам. И, вы знаете, комментарий должен был стать темой для обсуждения с другими, другими, другими швейцарскими пасторами.

Я сказал немецкие пасторы? С другими швейцарскими пасторами. Это все, что должно было быть. Он обнаружил, к своему изумлению, что другие люди получили это, и это наконец-то было переведено на английский.

И он обнаружил, к своему изумлению, что его комментарий в книге Римлянам стал блокбастером. Это стало просто, это стало невероятным. Люди читали это и изучали это, писали ему, приходили к нему в гости, где он преподавал, и так далее.

Это стало потрясающим блокбастером. Итак, он знал, что открыл что-то. Он пытался добраться до книги Римлянам.

И почему это произошло? Почему это был блокбастер? Потому что протестантский либерализм в значительной степени игнорировал Библию, включая книгу Римлянам. Это был блокбастер, потому что это был новый подход к Библии, новый способ увидеть послание Бога для 20-го века, взрывоопасная, это была взрывоопасная книга. Итак, на сцену выходит Барт.

Он на самом деле не собирался выходить на сцену, но он вышел на сцену действительно замечательным образом. А затем произошло следующее: Барт начал преподавать в крупных университетах и переехал в Германию. Сейчас он гражданин Швейцарии, но он переезжает в Германию, чтобы начать свою преподавательскую карьеру, и преподает в ряде различных немецких университетов.

И пока он там, он решает, что он собирается начать писать догматику. Он решает, что он собирается написать систематическую теологию. Теперь он решает, что изначально то, что он называл догматикой, было он назвал это христианской догматикой.

Вот что он считал хорошим названием для своей книги, «Христианская догматика». Затем он сказал: нет, это не христианская догматика. Это догматика для церкви.

Итак, он изменил название с христианской догматики на церковную догматику. Ему было около 30, и теперь он начинает свою преподавательскую карьеру и служение учителя; в свои 30 с небольшим он начал писать церковную догматику. Когда он умер в 1968 году, он все еще писал церковную догматику.

Итак, церковная догматика — это многотомная догматика. Чтобы дать вам небольшую подсказку, учение о примирении — это два тома, и это, я хочу сказать, около 1600, 1700 страниц только одного учения. Так что, чтобы разобраться в трудах Карла Барта, нужно время.

В этом нет никаких сомнений. Некоторое время может равняться целой жизни, чтобы продираться через труды Карла Барта. Мне пришлось пройти курс по примирению для моей докторской программы, и два тома Барта — это то, что мы изучали, те 1800 страниц или около того, только по одной этой доктрине примирения.

Итак, читать и изучать Карла Барта нужно время, но это замечательная вещь. Итак, церковная догматика. Так что, ладно.

Вот он пишет. Теперь Гитлер пришел к власти. Он в Германии.

Гитлер приходит к власти. Когда Гитлер пришел к власти, он, вместе с другими и его самым ярким учеником, был человеком по имени Дитрих Бонхёффер. Когда Гитлер пришел к власти, он и другие увидели, что ему потребовалось немного времени, но в конце концов они увидели, что это не так; он был не-лидером, а не лидером.

Он не был фюрером. Он был не-фюрером. Это было не правительство.

Это было не правительство. И он начинает критиковать Гитлера. Он автор чего-то под названием «Декларация Бармена».

У меня этого нет в списке, но БАРМЕН, Декларация Бармена. Вы хотите это записать. Он автор Декларации Бармена.

Декларация Бармена по сути является декларацией веры, которую нужно исповедовать против нацистской церкви, потому что церковь в Германии стала нацифицированной. Церковь в Германии салютовала Гитлеру. Ну, в жизни есть только один Господь, и это Господь Иисус Христос.

Итак, Декларация Бармена делает это очень, очень ясным. Хорошо, теперь, если бы он не был гражданином Швейцарии или Германии, он, вероятно, в конечном итоге закончил бы так же, как Бонхёффер. Бонхёффер оказался в тюрьме, а затем Бонхёффер был казнён.

На самом деле, вчера, 5 апреля, это был день, когда Бонхёффера посадили в тюрьму. А потом, 5 апреля 43-го, он умер. Его повесили 9 апреля 45-го.

Если бы Барт был гражданином Германии, он мог бы закончить так же, как Бонхёффер. Но поскольку он был гражданином Швейцарии, его выпустили из страны. Он смог вернуться в Швейцарию.

И когда он вернулся в Швейцарию, последнее, что мы скажем о нем, прежде чем мы перейдем к его теологии, это то, что когда он вернулся в Швейцарию, он провел остаток своей жизни, преподавая в Базеле. И это БАЗЕЛЬ. Он провел остаток своей жизни в Базеле, в Базельском университете.

Там наш друг получил свою степень у Карла Барта. И, кстати, это Базель, а не Базель. Так что, пожалуйста, не говорите Карл Барт из Базеля.

Знаете, это Базель. Так что он вернулся и преподавал в Базеле до конца своей жизни. Так что он был в безопасной, нейтральной стране, когда началась война, и так далее.

Но это Барт. И это кто, вот какой он был человек. Вы не смогли, и его называют вторым Августином.

И его называют вторым Августином не просто так, за то влияние, которое он оказал на свой мир своей теологией, как и Августин в своем мире и так далее. Так что, довольно замечательный парень. Хорошо, это Карл Барт.

Это лишь немного о его жизни, просто чтобы мы получили представление о том, кем он был, прежде чем мы рассмотрим его теологию. Теперь, по какой-то причине, это не попадает туда. Это дошло? Хорошо, вот оно, 1886, 1968.

Вот он. А вот он здесь. Знаете, я тоже хочу сказать кое-что об этой картинке.

Если вы посмотрите на эту фотографию, Time Magazine, если вы посмотрите на эту фотографию очень внимательно, Карл Барт, вы заметите что-то позади него. Вот, это Time Magazine. Это американский вид продукции здесь.

Но вы заметите что-то позади него прямо там, и это пустая гробница. Это воскресший Христос. Теперь даже журнал Time признал, что частью центра теологии Карла Барта было воскресение Иисуса.

Даже у них хватило здравого смысла сделать это. Но вот что я хочу сказать, и вы заметите, мы поговорим о Нибуре также через несколько минут, но вот что я хочу сказать о Карле Барте. Карл Барт был признан публичным теологом.

Его признали, поместили на обложку журнала Time, его признали публичным теологом. Другими словами, 40-е, 50-е, 60-е годы были все еще временем, когда теолог оказывал влияние на свою культуру. Я не думаю, что мы живем сегодня в то время в американской жизни и культуре, когда есть публичные теологи.

Вероятно, ближе всего к этому мы подошли с недавним визитом Папы Франциска. Приезд Папы Франциска в Америку оказал огромное влияние на американскую жизнь как теолога, как пастора, как министра, как главы Римско-католической церкви и так далее. Но это ближе всего к тому, что мы привыкли признавать публичными теологами.

Итак, вот он, Карл Барт, довольно примечательная личность. Что-нибудь о Барте здесь, о его жизни? Возможно, вы говорили о Барте в других курсах, так что, возможно, это то, о чем вы уже говорили, но это очень впечатляюще. Давайте перейдем ко второму пункту, его теологии, потому что именно теология Барта повлияет на других людей, о которых мы говорим, и это движение называется неоортодоксией.

Итак, давайте поговорим о его теологии. У меня есть пять вещей в его теологии, которые важны для формирования неоортодоксии. Первая вещь — это то, что мы бы назвали серьезностью или приверженностью Библии как Слову Божьему.

Итак, Библия — это Слово Божие. Библия, как Слово Божие, говорит нам в первую очередь о Христе как о Слове Божием. Итак, Библия — это Слово Божие и говорит о Христе как о Слове Божием, в этом нет никаких сомнений.

Теперь, с этой первой, новой серьезностью Слова Божьего, Слова Божьего, то, что он делает, это, в некотором смысле, он нападает, преследует, бросает вызов любым попыткам приспособить это Слово, любым попыткам контролировать это Слово Божье, любым попыткам укротить Слово Божье. Так что он теолог. Он будет преследовать тех людей, которые ошибаются.

Итак, в соответствии с этим первым пунктом, новой серьезностью в отношении Слова Божьего, есть три основные группы людей, за которыми он гонится, потому что они не понимают Слово Божье или понимают его таким образом, что это умаляет его как Слово Божье. Итак, он гонится за тремя группами. Во-первых, он гонится за учеными, которые относятся к Слову Божьему просто как к загадкам, которые нужно разгадать.

Библия, откроем Библию. Я ученый. В Библии есть тайны, которые нужно разгадать, и я собираюсь открыть и узнать эти тайны.

Это моя работа. Ему это не нравится, потому что это как будто ты контролируешь Библию. Это как будто ты контролируешь Слово Божье.

Так что он совсем не рад этому. Слово Божье — это не череда тайн, которые нужно открыть. Так что ладно, это номер один.

Во-вторых, он преследует либеральных, классических либеральных ученых и классических либеральных протестантов. Он преследует протестантский либерализм, потому что протестантский либерализм взял Слово Божье и сделал его своего рода идеологией для среднего класса. Иисус, для классического протестантского либерализма, Иисус стал своего рода ручным человеком среднего класса без какого-либо пророческого голоса, без какой-либо священнической функции, без какой-либо царской роли.

Итак, Иисус становится для этих людей очень ручным представителем среднего класса. Он очень недоволен людьми, которые берут Библию и используют ее для разработки своей собственной идеологии среднего класса. Это не то, о чем говорит Библия.

Это укрощение Библии. Это своего рода контроль Библии. Это плохие новости.

Хорошо, третья группа, за которой он идет. Третья группа, за которой он идет, вас это не удивит, но третья группа — это социальные евангелисты. Он идет за социальными евангелистами.

Теперь он не преследует Раушенбуша, но преследует второе и третье поколение социальных евангелистов, потому что то, что они сделали только Библией, они сделали Библию только своего рода этической книгой о том, как исправить ошибки этого мира, как осуществить своего рода социальную реконструкцию, как реформировать мир. Таким образом, они сделали ее только этическим текстом. Они забыли все остальное, что Библия говорит о Боге и людях, об инаковости Бога и греховности людей и так далее.

Нет, это этическая книга. Давайте выясним, как сделать мир лучше, если мы прочитаем Библию. Он очень недоволен этим, потому что это не Слово Божье.

Вы приручили Слово Божье, когда сделали это. Вы взяли под контроль Слово Божье, когда сделали это. Итак, первое, что нужно Карлу Барту, будет также верно, когда мы пойдем дальше по линии для других новых православных людей, но первым, что нужно Карлу Барту, будет новая серьезность в отношении Слова Божьего.

Давайте серьезно отнесемся к слову Божьему. Давайте поймем, что это было. Это Бог говорит с нами со своего места, а не с нашего.

Итак, это номер один. Давайте я сделаю второй, а затем я должен дать вам передышку. Итак, второй довольно легко следует из первого.

Второе — это новая серьезность в отношении того, кто есть Бог, потому что Бог — суверенный творец и Господь вселенной. Вот кто есть Бог. Итак, новая серьезность в отношении того, кто есть Бог.

Итак, в зависимости от перевода, это может быть своего рода игрой слов. Бог полностью другой, и вы можете написать это по-английски, ВСЁ. Бог полностью или полностью другой.

Или можно сказать, что Бог совершенно иной, СВЯТОЙ. Совершенно иной. И оба они были бы верны для Барта.

Он совсем другой, ПОЛНОСТЬЮ, совсем другой. Совсем другой. И он совсем другой, СВЯТОЙ, другой.

Он свят в том смысле, в котором мы не святы. Он отличается от нас своей святостью. Итак, суверенитет Бога, величие Бога, слава Бога, и что сделал либеральный протестантизм, он даже Бога приручил.

Итак, для либерального протестантизма Бог стал нашим добрым приятелем. Бог стал моим другом. Бог стал, ну, вы слышите это все время по радио, по телевидению, Бог стал человеком наверху, понимаете.

Так что, сказал Барт, это то, что вы думаете о Боге. Вы не говорите о Боге. Вы не говорите о Боге в Библии, когда вы говорите о Боге таким образом.

Итак, есть новая серьезность в отношении суверенитета Бога. Итак, хорошо, это номер два. Позвольте мне дать вам ваши пять секунд здесь.

Хватит об этом. Новая серьезность, номер три. Третье, что мы узнали от Карла Барта:

Третье, что повлияло на его теологию. Номер три. Новая серьезность в отношении благодати Божией и то, как мы видим благодать Божию в Откровении.

Итак, это номер три для Барта. Новая серьезность. Seriously отнеситесь к благодати Божьей.

Мы должны серьезно отнестись к тому, как мы понимаем, как эта благодать была открыта или раскрыта нам. Хорошо, слово, которое не нравится Карлу Барту, это религия, кавычки-открытые кавычки, религия. Христианство — это не религия.

Итак, причина, по которой ему не нравится это слово, заключается в том, что он видит религию как человечество, как способ людей прокладывать себе путь к Богу. Вот как он видит религию. Вот как он видит мировые религии.

Но мы прокладываем себе путь к Богу, или мы прокладываем себе путь к богам тем, что мы делаем, благочестивыми или чем бы мы ни занимались. Мы пытаемся угодить Богу или богам. Это религия для Барта.

Христианство — это не религия. Христианство — это тело Христа, открытое нам Божьей благодатью. Итак, христианство — это сообщество верующих, которое ворвалось в нашу жизнь Божьей благодатью и было сформировано Божьей благодатью.

Христианство — это не религия, которую мы формируем. Это не религия, которую мы формируем. Это не религия, которую мы как бы собираем.

Христианство было сформировано и сформировано для нас благодатью Божьей. Причина, по которой мы это знаем, в том, что Бог открыл себя нам. Он как бы показал себя нам в величайшем откровении, а величайшее откровение, конечно, в Иисусе Христе.

Итак, Бог во плоти, Бог во Христе, вот как мы понимаем эту благодать, которая была нам открыта. Итак, посмотрите на лицо Иисуса. Вот как вы узнаете Бога, потому что именно так Бог решил открыть себя нам.

Так что это становится очень важным. Теперь, я упомянул это. Если кто-то из вас имел меня для христианской теологии, вы знаете это, но Иоанн 1.14. Вы хотите записать этот стих.

Иоанн 1.14. Вы хотите записать это наверняка. Хорошо. Слово стало плотью и обитало с нами, и мы видели славу Его.

Слава — Единородный от Отца, полный благодати и истины. Но Слово стало плотью. Бог стал плотью.

Так как же Бог явил себя нам? Как он явил свою благодать? Он явил свою благодать, придя сам в лице Иисуса Христа. Хорошо. Итак, у Карла Барта было слово для этого стиха.

Карл Барт назвал этот стих теологией в двух словах. Это теология в двух словах. Барт сказал, что Иоанн 1.14 — это Библия.

Все остальное — это комментарии к Иоанну 1:14. Так что, если у вас есть Иоанн 1:14, у вас есть Библия. У вас есть сердце писаний. У вас есть воплощение.

Все остальное в Библии указывает на Иоанна 1:14, на великое событие воплощения Бога, ставшего плотью. Поэтому все дело христологии и того, кем является Христос для нас, стало очень важным. Номер четыре.

Номер четыре, новая серьезность. Мы уже как-то упоминали об этом, но новая серьезность в отношении людей как грешников. Мы, прежде всего, грешники.

Мы, прежде всего, восстаем против Бога. И если мы не признаем этого, мы будем думать о себе выше, чем нам следует думать. Потому что в отличие от святого Бога, мы здесь в восстании.

Никаких сомнений. Итак, новая серьезность. Новая серьезность о нашей греховности и о том, как Бог стоит над нами и судит нас.

Бог — судья нашей греховности. Вероятно, для Барта один из первых способов узнать Бога — это узнать его как судью вашей греховности. Но, конечно, он предоставил способ преодолеть эту греховность через пришествие Христа и через Иоанна 1.14 и так далее.

Итак, по этому четвертому пункту, у меня случайно не было никого для занятий по христианскому богословию? У меня была пара для христианского богословия. В христианском богословии мы часто цитировали Жана Кальвина, которого Барт хорошо знал. Не лично, но Барт хорошо знал Жана Кальвина.

Первая строка «Наставлений» Кальвина Я не буду придираюсь ни к кому из класса теологии, но первая строка «Наставлений» Кальвина была о том, что вся мудрость, которой мы обладаем, то есть истинная и здравая мудрость, начинается с познания Бога и нас самих. Но что из этого первично, нелегко различить. Но Кальвин учил, что познание Бога и познание себя как бы переплетены друг с другом.

Но первое, что сказал Кальвин, первое, что вы знаете о себе, это то, что вы грешник, восставший против Бога. Теперь Барт подхватывает это и говорит, что первое, что вы знаете о себе, это то, что вы ограничены своим грехом и вам нужно искупление. Вы не можете сделать это сами, и Бог сделает это во Христе.

Но это первое, что вы знаете о себе. Теперь я скажу это очень быстро, но является ли это контркультурным посланием для культуры, в которой мы живем? Ответ на это — да. Если бы это был вопрос «истина и ложь», ответ был бы «да, правда».

Это контркультурное послание, потому что мир, в котором мы живем, не хочет говорить о людях как о грешниках, восставших против Бога и нуждающихся в спасении. Я в порядке, и вы в порядке, большое спасибо. Так что теперь я чувствую, что Барт читает длинную проповедь о людях как грешниках.

Но вот он, номер четыре. Хорошо, а затем номер пять. Номер пять заключается в том, что нам нужно иметь новое чувство серьезности в том, как мы понимаем Бога.

Нам нужна новая серьезность в том, как мы понимаем Бога. Потому что либеральный протестантизм считал, что они могут понять Бога каким-то образом своим умом, своей ученостью, своим учением и так далее, поэтому они считали, что если у вас есть правильные концепции, если у вас есть правильные идеи, если у вас есть правильные идеи о Боге, правильная философия, то вы узнаете Бога.

Вы, конечно, сможете. Барт сказал, что вы не можете этого сделать. Вы даже не можете понять, кто есть Бог, начиная с вас с такими концепциями и так далее.

Итак, новая серьезность в нашей попытке познать Бога. Как мы познаем Бога? Мы познаем Бога только потому, что он обращается к нам. Только потому, что он говорит с нами.

Только потому, что он нам себя открыл. Только потому, что он нам себя отдал. И чего он требует? Он требует ответа на это.

Так что это своего рода диалектика. Бог приходит к нам, и мы отвечаем Богу. И чем больше мы отвечаем Богу, тем больше он открывает себя нам, и так далее.

Здесь происходит своего рода диалог. Итак, новая серьезность в попытках людей постичь Бога. Это пять вещей, которые отличают это движение под названием Нео-ортодоксальность от Барта.

Итак, если вы посмотрите на свой список, есть ли какие-либо вопросы по этим пяти вещам? Эти пять областей. Барт был частью реформированной конфессии. Он хорошо знал Кальвина и хорошо интерпретировал Кальвина, но он был частью реформированной конфессии в Швейцарии.

Итак, он был связан конфессионально, связан конфессионально. Он связан. Он своего рода мировой теолог к тому времени, как он умрет.

Он обращается к иудаизму, мировым религиям и христианству как религии. Он не любит религию. Если религия — это способ для человечества проложить себе путь к Богу, познать Бога и угодить Богу, то это и есть религия.

Барт не хочет иметь с этим ничего общего. Христианство сформировано не потому, что мы это сделали. Церковь — это не мы, формирующие церковь.

Христианство сформировано из-за того, что Бог раскрыл во Христе. Так что теперь Барт иногда ведет долгие дискуссии об этом среди ученых Барта, так что мы, вероятно, оставим это ученым Барта. Но иногда Барта обвиняли в том, что он универсалист, что он и делает; мы говорили об этом вчера на семинаре Бонхёффера; в Адаме все согрешили во Христе.

Все будут оживлены. Так что, такие вещи. Так что, Барт, они продолжали давить на Барта по этому поводу, а он не, он как бы не делает, он иногда отталкивает.

Однажды он сказал, что я универсалист с маленькой буквы «у». Я не знаю, что это значит точно. Ну, это значит, что он понял, что у людей все еще есть свобода

сказать «нет», все еще есть свобода сказать «нет» Богу, и всегда есть эта свобода сказать «нет» Богу. Так что я не уверен.

Но эта дискуссия возникла в терминах мировых религий, иудаизма и так далее. Бог собирается искупить всех людей, независимо от того, христиане они или нет? На христианском пути или нет? Да, Александр? Нет, он был в пастырском служении всего около 11 лет или около того. А затем он стал преподавать на постоянной основе.

Теперь, он проповедовал всю свою жизнь. Так и, одним из его любимых мест проповедования были местные тюрьмы. Он любил ходить в местную тюрьму и проповедовать заключенным.

И сообщение, конечно, это очень по-бартиански в каком-то смысле, но мы опять же говорили об этом вчера в Бонхёффере, но сообщение было таково: Бог уже искупил вас. Бог уже пришел в лице Христа, чтобы искупить вас. Я здесь, чтобы сообщить вам эту благую весть.

Вот как он проповедовал, потому что он чувствовал, что именно это является акцентом Евангелия. Так что да, он проповедовал много, но у него не было пастырского служения, когда он стал полновременным учителем. Да.

Да. Во-первых, отвечая на второй вопрос, он в итоге обзавелся семьей. Его сын, Маркус Барт, стал очень известным исследователем Нового Завета и фактически преподавал здесь, в Америке.

Я думаю, это было в Питтсбурге, но я не уверен. Но Маркус Барт стал исследователем Нового Завета. И вот это первое, семья.

Он был многоязычным. Мой друг Билл Билер, которого мы оба знаем, но мой друг Билл Билер ходил на семинары, и часто семинары проводились на французском, немецком и английском языках вместе, чтобы все могли понять, что происходит. Так что он был многоязычным.

Да. Он был вторым Августином, без сомнения. Однако скажу, что некоторые из вас, возможно, уже знают это, но если вы воспитаны в этой европейской культуре, вы в любом случае будете многоязычными.

Вы будете знать немецкий, французский и английский, может быть, итальянский, может быть, немного испанский. Я имею в виду, что это мир. Эти счастливики в Европе выросли в многоязычном мире.

Итак, он был многоязычным. Да. Что-то еще в Барте, Барт — очаровательный человек, в этом нет сомнений, но да.

Точно. Нет, его семья была номинально христианами. Он немного похож на Бонхёффера.

Бонхёффер также воспитывался в номинально христианской лютеранской семье. Барт воспитывался в номинально христианской реформатской семье. Поэтому, когда он поступил в университет, он не думал о теологии, связанной с Библией и историей церкви.

Это была либеральная теология. Так что он был воспитан в более либеральной традиции, как и Бонхёффер. Но Барт сделал это открытие, когда был пастором Библии.

Бонхёффер сделал то же самое открытие, когда ему было 13 или 14 лет, начал открывать для себя Библию и сказал тогда своей семье: я хочу быть теологом. Так что это очень похожие пути. И тогда Бонхёффер стал учеником Барта.

Итак, Бонхёффер — это своего рода второе поколение Барта, часть теологии Барта, хотя он умер, когда ему было всего 39. Еще кое-что о Барте. Я люблю говорить о Карле Барте.

Он довольно интересный человек. Это хороший вопрос. Барт был очень влиятельным, чрезвычайно влиятельным, и не более, чем среди евангелистов, американских евангелистов.

Наш друг, который уехал, продал свой аптечный бизнес в Калифорнии и взял жену и шестерых детей в Базель, чтобы учиться у Карла Барта — нелегкая задача в жизни. Но было много евангелистов, которые нашли свой путь, чтобы учиться у Барта в Базеле.

И почему? Потому что евангелисты относятся к Библии серьезно. А евангелисты будут слушать любого теолога, который относится к Библии серьезно. И даже если они могли не соглашаться с некоторыми нюансами его теологии, что они и делали, они нашли в нем своего рода интеллектуальную силу, которую искали и не могли найти в фундаментализме и не могли найти, пока евангеликализм не начал утверждаться.

Итак, многие из людей, о которых мы будем говорить в евангелизме, некоторые из них были студентами Барта в Базеле. Некоторые из них, даже когда Барт приехал в Америку, были приглашены в группу с Бартом, потому что они говорят на одном языке в том смысле, что мы действительно серьезно относимся к тому, что эта Библия является Словом Божиим и открывает себя во Христе и воскресении и так далее. Так что да, есть много связей с Бартом.

Итак, Барт все еще влиятелен, я бы сказал. Каковы были его взгляды на женщин и женщин с ограниченными возможностями? Правильно. Он не думал, на самом деле. Это не совсем та тема, которая возникла в его собственной культуре, и поэтому она возникла в его собственной догматике.

Теперь, в отношении мужчин и женщин, вся человеческая семья, в некотором смысле, является получателем Божьей благодати. Так что он никогда не делал никаких различий. Но поскольку это не было для него культурным вопросом, и я не уверен, что даже когда он приехал в Америку, он когда-либо был, я не уверен. Его могли бы спросить об этом, но я не уверен.

Но вы не найдете этого у Барта, просто потому, что это не входило в его систему отсчета, как это было, например, у Финни или Уэсли в Англии. Еще кое-что о Барте. Последний вопрос о Барте.

Мы любим говорить о Карле Барте. Он очень важен с теологической точки зрения для неоортодоксии, для евангелизма, для того, что произойдет в американском христианстве, когда мы доберемся до наших друзей здесь, братьев Нибур. Нет? Хорошо.

Благослови ваши сердца. Хорошего вам дня.

Это доктор Роджер Грин в своем учении об американском христианстве. Это сессия 21 по неоортодоксии и социальному кризису.